

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ОБРАЗОВ БАБУШКИ И ДЕДУШКИ В СОВРЕМЕННОЙ ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Гапонова Ж. К.

Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского
(Ярославль, Россия). ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-9248-226X>

Никкарева Е. В.

Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского
(Ярославль, Россия). ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-0014-1404>

А н н о т а ц и я. В универсальных социокультурных представлениях о семье роли старших родственников детерминированы традиционными представлениями русского человека о передаче ценностей последующим поколениям. В статье предпринята попытка на отдельных произведениях современной литературы для детей и подростков, система образов в которых актуализирует сложный комплекс взаимоотношений трех поколений: бабушки/дедушки – родителей – внука / внучки, проанализировать, какие характеристики персонажей актуализируются, противопоставляются авторами при создании образов старших родственников и какие стереотипные мужские и женские качества репрезентируются в образах старика/старухи. Рассмотрение текста с позиций рецептивной эстетики, поставившей во главу угла читателя, позволило анализ концептуально значимых образов бабушки и дедушки провести на основе сопоставления «бытовых» и «художественных» представлений. Реакции на слова-стимулы бабушка, дедушка, образующие у носителей русского языка обширное ассоциативное поле, были распределены по смысловым зонам (портрет; роль в семье), в соответствии с которыми проведен анализ способов репрезентации образов бабушки и дедушки в современной детской и подростковой литературе. В результате анализа было выявлено, что гендерные противопоставления часто нивелируются, поскольку на первый план выходит указание на особую роль бабушек и дедушек в семье, связанную с архетипическим началом (мудрый старец/старуха): дети благодаря им знакомятся с культурой и историей, в том числе семьи и своего рода, у бабушки (у дедушки в меньшей степени) ищут ответы на сложные жизненные вопросы. Существенной трансформации образа бабушки/дедушки по сравнению с традиционными представлениями русского человека в детской и подростковой литературе не выявлено, но, безусловно, в литературе отчетливо постулируется главная миссия старших родственников – быть хранителями семейных ценностей и трансляторами «культурной памяти». Кроме того, образ дедушки связан с репрезентацией стереотипных представлений о мужском героизме, смелости, готовности защищать свою семью.

К л ю ч е в ы е с л о в а: архетипы; ассоциативные поля; бабушки; дедушки; мудрые старцы; мудрые старухи

Д л я ц и т и р о в а н и я: Гапонова, Ж. К. Репрезентация образов бабушки и дедушки в современной детской литературе / Ж. К. Гапонова, Е. В. Никкарева. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2022. – Т. 27, № 4. – С. 141–153. – DOI: 10.51762/1FK-2022-27-04-13.

REPRESENTATION OF IMAGES OF GRANDMOTHER AND GRANDFATHER IN MODERN RUSSIAN LITERATURE FOR CHILDREN

Zhanna K. Gaponova

Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky (Yaroslavl, Russia).
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-9248-226X>

Elena V. Nikkareva

Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky (Yaroslavl, Russia).
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-0014-1404>

Abstract. In accordance with universal socio-cultural ideas about the family, the roles of older relatives are determined by the traditional ideas of the Russian person about the transfer of values to future generations. The article analyzes some works of modern literature for children and adolescents, the system of images of which actualizes the most intricate complex of relationships between three generations: grandmother/grandfather – parents – grandson/granddaughter. The study considers what features of the characters are actualized and contrasted by the authors when creating images of older relatives and what stereotypical male and female qualities are represented in the images of an old man/old woman. The investigation of the text from the standpoint of receptive aesthetics, which put the reader at the forefront, allowed the analysis of conceptually significant images of grandparents to be carried out on the basis of a comparison of “everyday” and “literary” representations. Reactions to the words-stimuli *grandmother, grandfather*, forming an extensive associative field in native speakers of the Russian language, were distributed by semantic zones (portrait; role in the family), according to which the analysis of ways of representing images of grandparents in modern children's and adolescents' literature was carried out. As a result of the analysis, it was revealed that gender oppositions are often neutralized, since the indication of the special role of grandparents in the family associated with the archetypal role (wise old man/old woman) comes to the fore: thanks to them, children get acquainted with culture and history, including families and their kind, and they ask their grandmother (less often grandfather) for answers to difficult life questions. No significant transformation of the image of grandmother/grandfather in comparison with the traditional representations of a Russian person has been revealed in children's and adolescents' literature, but, of course, the literature clearly postulates the main mission of older relatives – to be keepers of family values and translators of “cultural memory”. In addition, the image of the grandfather is associated with the representation of stereotypical ideas about male heroism, courage, and readiness to protect his family.

Keywords: archetypes; grandmothers; grandfathers; the Wise Old Man archetype; the Wise Old Woman archetype

For citation: Gaponova, Zh. K., Nikkareva, E. V. (2022). Representation of Images of Grandmother and Grandfather in Modern Russian Literature for Children. In *Philological Class*. Vol. 27. No. 4, pp. 141–153. DOI: 10.51762/IFK-2022-27-04-13.

Введение. Проблема воспитания остается довольно дискуссионной для педагогов, учителей, воспитателей, родителей. Литература, являясь средством воздействия на ребенка, обладает мощным потенциалом в становлении личности школьника, следовательно, конструирование женских и мужских образов влияет на формирование юного читателя. В универсальных социокультурных представлениях о семье роли старших родственников детерминированы традиционными представлениями о передаче ценностей последующим поколениям, образы бабушки и дедушки выступают как универсальная гендерная оппозиция. В статье мы предприняли попытку на отдельных произведениях современной литературы для детей и подростков посмотреть, отличается ли репрезентация образов бабушки и дедушки в литературе и при анализе обыденных представлений о бабушке/дедушке, характерных для носителей русского языка; какие характеристики персонажей актуализируются, противопоставляются авторами при создании образов старших родственников.

В фундаментальной статье, раскрывающей тенденции репрезентации образа бабушки

в литературе XX–XXI вв., И. Л. Савкина, констатируя, что «образ пожилой женщины в русской культурной традиции существует в двух основных ипостасях – *бабушка, старуха*», сопоставляет эти два образа и приходит к выводу: «В образе бабушки есть многое, что есть и в старухе: асексуальность, магическое знание, родовая память, авторитет возраста. Однако бабушка определяется через семью» [Савкина 2011: 110–112]. Ипостась старухи в отечественной традиции представлена и типизированным собирательным образом «бабка на лавочке», трансляция типических признаков которого в детской литературе также довольно частотна (например, «*На лавке сидела баба Шура и, как механический робот, грызла семечки <...> я думаю, что робот Шура просто не выносит детей*» (Здесь и далее выделение **полужирным курсивом** сделаны авторами статьи – Ж. Г., Е. Н.) [Зенькова 2020: 8]). Е. И. Шевчугова отмечает еще одно существенное отличие: «Бабушка, как правило, застается рассказчиком в моменты наибольшего проявления силы, старуха – в моменты физической немощи» [Шевчугова 2018: 35].

При этом как в социологии [Семенова 1996; Краснова 2000], так и в литературоведческой

практике при исследовании персонажно-сюжетного уровня [Макрушина 2016] особо акцентируется «роль бабушек как проводников семейной и культурной памяти, хранительниц и передатчиц символического „семейного капитала“» [Савкина 2011: 110–112], который передается «не только в нарративе, но через „телесный“ контекст, через кормление, еду» [Савкина 2011: 118–119].

В новейшей литературе идущая от А. Т. Аксакова, М. Горького и продолженная В. П. Астафьевым традиция репрезентации образа бабушки как воплощения «идеальной (жертвенной) женственности и, прежде всего, потому, что в нем чрезвычайно акцентирован аспект материнства: бабушка – мать „второй“ – суррогатная мать внука-сироты (мать-матерей), мать-природа, мать-Родина» [Савкина 2011: 118–119], – оказывается вытеснена. Образ бабушки «социализируется и маргинализируется» [Савкина 2011: 120]. Так, А. Левинсон отмечает, что редуцирование семьи, когда «на смену большой трехпоколенной семье приходит нуклеарная», либо неполная семья, а также развитие медиа как основного канала трансляции базовых ценностей упраздняют роль стариков в социализации подрастающего поколения как «носителей предания и родовой мудрости» [Левинсон 2005]. Однако исследований, посвященных репрезентации архетипического образа бабушки (старухи), насчитывается больше, чем работ, связанных с анализом образа дедушки. Это напрямую коррелирует с обыденными представлениями носителей русского языка: чаще в воспитании внуков участвуют бабушки.

На этом фоне современная литература для детей и подростков, продолжая оставаться одним из наиболее влиятельных каналов социализации личности [см. об этом: Асонова 2013; Кутейникова 2017], но в отличие от других медиаресурсов не требуя верификации изложенной в ней информации и более того – предлагая контекст для осмысления информационного потока, позволяет говорить о закономерном интересе современных писателей и издателей к проблеме исторической памяти, трансляции знания о прошлом. В этой связи исследование образов бабушки и дедушки в современной детско-подростковой литературе представляется особенно актуальным.

Обращение к художественным произведениям, система образов в которых актуализирует сложный комплекс взаимоотношений трех поколений: бабушки/дедушки – родителей – внука / внучки, – позволяет обозначить основные тенденции в репрезентации этих образов, а также связанные с ними ситуации трансфера семейной и шире – исторической памяти в современной литературе для детей и подростков. Среди таких произведений – романы «Бабушкин внук и его братья» В. П. Крапивина (1996) и «Где нет зимы» Д. Р. Сабитовой (2011), повести «Легкие горы» (2009) и «Две дороги – один путь» (2009) Т. В. Михеевой, «Крокодил» А. Д. Петровой и «Баба Яга пишет» И. Краевой (2014), «Тысяча лиц тишины» Д. Вильке (2017), «Дом четырех ладоней» Л. Романовской (2020), рассказы «Соловьиный сад» И. Краевой (2014) и «Желтый куб» В. Дегтевой (2021). Этот список, несомненно, может быть продолжен и не исчерпывает ярких и талантливо созданных образов «старших родителей» даже для читателей 10–14 лет.

Результаты исследования. В нашем исследовании мы предприняли попытку сопоставить обыденное представление носителей русского языка о бабушке/дедушке, отраженное в ассоциативных словарях русского языка (определить наличие в значении слов психологического компонента, подчас неосознаваемого носителем языка), с тем представлением, которое авторы литературы для детей 10–14 лет вкладывают в эти концептуально значимые понятия. Такой подход обусловлен тем, что по данным психолингвистики ассоциации отражают различные аспекты родной культуры человека [Белянин 2011: 210] и позволяют обозначить и описать культурно маркированные константы, в том числе стереотипные представления о мужском и женском. Выбор указанной возрастной категории не случаен, ибо к этому возрасту формируется осознанное/устойчивое представление о семейных ценностях, однако в силу перехода с одного возрастного этапа на другой (подростковый возраст) может наблюдаться переосмысление социально значимых и нравственных категорий, чему в психологии посвящено немало исследований. Для нас особый интерес представляет также факт, что одним из слов-реакций на слово-стимул *бабушка*

является *детство*, явно указывающее на роль бабушки в формировании личности ребенка.

В российской детской литературе образ бабушки оказывается не просто популярным, но архетипичным, концептуальным, поскольку занимает существенное место в системе традиционных семейных ценностей, передаче знаний и опыта между поколениями (см. подробнее [Гапонова, Никкарева 2020]). При этом реакция на слово-стимул дедушка, во-первых, в несколько раз меньше (на причину этого мы уже обращали внимание выше); во-вторых, они прежде всего отражают указание на возраст, внешний вид, отдельные качества пожилого человека. Для нас важным оказывается и тот факт, что многие респонденты образ бабушки тесно связывают с образом дедушки, давая перекрестные ассоциации. В этом случае можно говорить скорее об актуализации социальной значимости стариков/старух в семье, в воспитании детей безотносительно принадлежности к определенному полу. Этот факт пробуждает интерес к тому, чтобы проследить, какие качества и нормы поведения и с помощью каких приемов транслируются при создании персонажей разного пола.

Рассмотрение текста с позиций рецептивной эстетики, поставившей во главу угла читателя, позволило нам анализ концептуально значимых образов бабушки и дедушки провести на основе сопоставления «бытовых» и «художественных» представлений. Для сопоставления мы взяли данные интернет-сервиса «Русский ассоциативный тезаурус», представляющего базу данных крупнейшего ассоциативного эксперимента на русском языке, проведенного в 1988–1997 гг., и Русского сопоставительного ассоциативного словаря (под ред. Г. А. Черкасовой, 2008 г.) При этом мы не учитывали в исследовании ассоциации, которые представлены именами собственными, поскольку они отражают явно субъективные представления испытуемых, связанные только с их личным опытом.

Реакции на слово-стимул *бабушка*, образующие у носителей русского языка обширное ассоциативное поле, можно распределить по смысловым зонам (*портрет; роль в семье*), в соответствии с которыми мы будем анализировать способы репрезентации образов бабушки и дедушки в детской и подростковой литера-

туре. Выстраивание логики анализа материала на основе представлений о бабушке обусловлено количеством ассоциаций, в разы превышающих представления о дедушке (ср. количество слов-реакций на слово-стимул *бабушка* – 506; на слово-стимул *дедушка* – 104; на слово-стимул *дед* – 107 [Русский ассоциативный тезаурус]).

Портрет. Представления о бабушке, нашедшие отражение в ассоциативных словарях, оказались связаны прежде всего с возрастом (*старушка, старая, старенькая, старость, старая женщина, дряхлая, старуха, (за)болела, умерла, больная, глухая и др.*). Подобные характеристики актуализируются и при упоминании дедушки (*старый, старость, старенький, старина, болеет, больной, умер, пожилой, 100 лет*). Темы старости, болезни и смерти, не являясь более табу и в современной литературе для детей («Мой дедушка был вишней» А. Нанетти, «Все бабушки умеют летать» И. Зартайская), представляются как естественное течение жизни: «*„Что за привычка все время говорить о помирании!“ „А что здесь такого? Это вполне естественно“*» [Крапивин], – поэтому в анализируемых произведениях для подростков («Баба Яга пишет» И. Краевой, «Где нет зимы» Д. Сабитовой и др.) рефлексия героя-ребенка направлена на сохранение памяти о близком человеке, на трансляцию его положительного образа, а также отчасти на замещение умершего (ср.: М. Д. Яснов «Без дедушки»: «*И за дедушку сделаю ход. / И за дедушку гляну в окошко, / Посмотрю, что творится внизу. / И за дедушку утром картошку, / Встав пораньше, домой принесу*»), что может быть реализовано как сюжетная ситуация завершения внуком дел (и/или разгадывания тайны) бабушки/дедушки.

В сознании носителей языка актуализируются определенные портретные детали (*беззубая, седая, седовласая, морщины*) и атрибуты бабушки (*платок, очки, палка, фартук*). Стереотипное представление о мужском реализуется в ассоциациях на слово-стимул дедушка: ассоциации, связанные с внешностью (*борода, седой, бородатый, красивый, лысина, хромой*) и с атрибутикой (*клюка, очки*). Как видим, гендерные отличия в восприятии мужского/женского реализуются прежде всего в портретных деталях, тогда как атрибуты связаны с возрастными параметрами, при упоминании которых

гендерная принадлежность человека уходит на второй план.

Показательно, что целый ряд ассоциаций, характерных для обыденного сознания носителей языка и создающих типизированный образ бабушки в художественном тексте, может становиться предметом рефлексии героя. Так, в рассказе В. Дёгтевой «Желтый куб» ощущение близости приходит к герою после смерти прабабушки через эффект «узнавания»: «С тех пор, как прабабушка умерла, Петрушин каждый день встречал её на улице. <...> Просто так получалось, что **каждая старуха** теперь немного напоминала прабабушку. У одной был точно такой же **узел из седых волос**. У другой – похожий жёлтый плащ. Третья **горбила спину**. У четвёртой **густые брови** – почти такие же, ну совсем такие же... Буквально на пару секунд, пока она не приподнимала их как-то иначе. Как будто прабабушка взяла и вдруг **рассыпалась на сотню разных старушек**» [Дёгтева].

В произведениях для подростков, в сознании которых уже сложился и зафиксирован словообраз «бабушка», появляющиеся по ходу повествования портретные детали не создают полноценного визуального образа, они направлены на его индивидуализацию и в том числе на противопоставление типическому образу, что соответствует сформулированному М. Д. Ясновым в предисловии к «Путешествию в Чудетство» принципу обращения к теме семейной памяти в детской литературе: «Больше всего в факте рождения меня интересуют **предки**, предшественники. Именно рождение **потомка** вызывает их из небытия <...> Для меня – это люди, которые существовали не сами по себе, а **в своих подробностях**. Сами по себе они мне чужие и чуждые. <...> Не столь важно, когда они жили. Важно другое: как дедушка выпивал перед каждой едой стопку водки и как ставил её, пустую, на столе перед собой – всегда на одно и то же место» [Яснов 2014]. Так, в романе В. П. Крапивина «Бабушкин внук и его братья» портрет бабушки – Ольги Георгиевны Ясницкой – представлен глазами внука. Герой видит, как бабушка расчесывает волосы – «**совсем не старушечьи: хотя и с сединой, но густые, длинные**», и даже такая традиционная «примета» бабушек, как очки, не просто включается в повествование как внешняя характеристика, но сопровождает характерный жест: «Бабуш-

ка смотрела на меня, **подперев очками подбородок**» [Крапивин]. Наиболее развернутое портретное описание, представляющее бабушку в «момент наибольшего проявления силы», который в данном романе связан с утратой родового дома, позволяет в полной мере представить характер героини, включая черты психологического портрета: «...бабушку **несчастье не сломило**. Она **стала еще более маленькой и сухой**, но **походка ее осталась твердой**. И **рот был сжат упрямо**. Я понимал: бабушка чувствует себя как **полководец**, который держался в осажденной крепости до конца. Да, крепость сожгли, но не в бою, а предательством. Честь знамени осталась незапятнанной. И моя **замечательная бабушка**, Ольга Георгиевна Ясницкая, смотрела **на всех с нечалью, но гордо**» [Крапивин].

В образе бабушки Таси из повести «Легкие горы» о внутренней силе героини говорит такая деталь ее портрета, как «негнущаяся спина». Даже узнав о смерти своего соседа Николая Витальевича Телятьева, с кем прожила всю жизнь «забор в забор», она «надела чистый белый платок, сидела **прямо, несгибаемо**» [Михеева 2017: 157].

Внешняя **суровость** (именно этот эпитет чаще всего встречается в повести) сочетается с приметливостью («Бабушка Тася **все видит и все знает**» [Михеева 2017: 92]), особой совестью («**Стыдно так**, – говорит бабушка Тася о растащенной на дрова школе, – **идешь, бывало, мимо и глаза отводишь, чтобы в пустые ее окна не смотреть**» [Михеева 2017: 161]), стремлением жить «по правде».

Собственный дедушка в представлении юных героев, как правило, отличается от других, например: «Все пенсионеры носили на даче **застыренные тренировочные костюмы, выцветшие панамы, растянутые футболки, а дед Толик и тут выглядел джентльменом – в отглаженных рубашках с коротким рукавом, светлых брюках и парусиновых туфлях**» [Вильке]. Кроме того, визуальный образ деда может создаваться с помощью актуализации какой-то одной портретной детали, например: «**Как-то в четверг дед постукал ногтем по искусственной челюсти <...> Новыми зубами он сиял перед зеркалом раз по пять в день**» [Краева 2018б: 280].

Частотные в качестве ассоциаций у носителей языка слова связаны с оценочными характеристиками бабушки (*добрая, милая, хорошая,*

ласковая, тепло, бабулька, ворчливая, золото, лапушка, умная, уютная, хорошо), что, безусловно, объясняется психологическими факторами: привязанностью к бабушке, осознанием социальной функции ее как члена семьи, как транслятора опыта и морально-этических ценностей, как духовного наставника. Это находит отражение и в художественных текстах: «*моя замечательная бабушка*» [Крапивин]. В письмах десятилетний американский школьник Аджей обращается к своей русской бабушке «бабуля», вспоминает про ее «разогретое сердце» [Краева 2018: 189].

Ассоциации, связанные с оценочными характеристиками дедушки, представлены немногочисленным полем: *добрый, дедуля, любимый, милый, родной, уважение, хороший, хрыч*. В литературе для детей и подростков часто происходит героизация дедушки, что обусловлено стереотипным представлением о мужском начале: «*Ее прадед – личность легендарная. В Первую мировую войну его взяли в плен, он оказался в Африке, сбежал и девять лет добирался до дома. Пешкой. Добрался*» [Михеева]; «*Родной Ринкин дедушка, если судить по маминим рассказам, был настоящий герой. Он мог отстать от поезда и бестрашно догонял его на перекладных, умел варить наваристую уху из одной малюсенькой рыбешки и ничего не боялся <...> дедушка ведь прошел две войны*» [Вильке].

Устойчивыми в сознании носителей языка являются ассоциации, указывающие на связь бабушки с природным миром (*животные, кошка*). В литературе для детей и подростков эта связь также сохраняется: собака Юла, две кошки и куры есть у бабушки Таси в «Легких горах»; собака Буря у бабушки Марии из повести «Баба Яга пишет»; кот жил в семье Альки Иволгина в романе В. П. Крапивина. Следует отметить, что ассоциации, указывающие на связь с природой, не встретились нам по отношению к дедушке, однако в литературе для детей и подростков эта связь актуализируется и при создании образа дедушки: «*Вот дед Толик – совсем другое дело. Он, казалось, вставал вместе с птицами и уже разводил в большом ведре какое-то очередное удобрение*» [Вильке]; «*Ездить с ним в сад и то было счастьем*» [Краева 2018б: 275]; «*дед Телятьев сильно зверей любил, и у него дома всегда кто-нибудь жил, „квартировал“, говорил он. То стриж с поломанным крылом, то ежик, кото-*

рого он в реке в наводнение выловил, то кошки-собаки... Его даже прозвали в деревне Дедом Мазаем» [Михеева 2017: 52–54]. Актуализация в образе дедушки типа литературно-сказочного чудака, бессеребренника, чья мудрость в первую очередь в доброте, каким предстает Мазай у Некрасова (по В. В. Головину), а в образе деда Телятьева, прозванного дедом Мазаем, наблюдается также и в обыденном сознании носителей языка.

Вместе с тем не игнорируется современной литературой для детей и подростков отмеченная И. Савкиной тенденция к «маргинализации» старости, когда в целом ряде современных литературных текстов «бабушки – уходящая натура, динозавры, существа из другой жизни» [Савкина 2011: 120] – оказываются «чуждыми» миру внуков, а «ценность и необходимость бабушкиного предания, опыта часто ставятся под сомнение» [Савкина 2011: 120]. Необходимо отметить, что в подростковой литературе возникающая между мирами ребенка и взрослого граница объясняется не столько «устареванием» бабушки, сколько психологическими особенностями подросткового возраста, и не приводит к конфликту. Так, Л. Романовская в повести «Дом четырех ладошек», с одной стороны, проблематизируя ситуацию осознания тринадцатилетней Таткой различий с бабушкой на уровне языка (например, хомут / шнуд) и привычек («*Мне жалко, что она меня бесит – своей помадой со спичкой, словом „курочка“, тем, что она меня называет „Татуля“*». *Раньше меня это не трогало, а теперь бесит. И я не знаю, как это исправить*» [Романовская 2021: 42]). Показательно с этой точки зрения, что в повести Д. Вильке «Тысяча лиц тишины», где героиня еще не вступила в подростковый возраст, акцентированы противоположные представления в восприятии ребенком языка, языковых особенностей бабушки, например: «*У Бабтони чудесный голос, который Ринка слышит замечательно – даже если та говорит шепотом. Слова Бабтона произносит так мягко, что они превращаются во вкусный, мягкий пирог. Булочная у нее становилась „булошной“, коричневый – „коришневым“, а сердечный – „сердешным“*». *Сказанное ею хочется повторить, попробовать на вкус*» [Вильке].

При создании образа бабушки в детской и подростковой литературе «маргинализа-

ция» нередко трансформируется в «необычность» / инаковость, как, например, в повести А. Петровой «Крокодил» [см. о ней подробнее: Барковская 2019], романе Д. Сабитовой «Где нет зимы» и повести Т. Михеевой «Две дороги – один путь».

В образах Корделии и Шуры «ненормальность», заданная уже формой имени, подчеркивается необычностью внешнего вида, старомодностью или несоответствием типическому представлению ребенка о том, как должна выглядеть бабушка: «Тая сразу обратила внимание на то, как **странно бабушка одета** <...> Она нарядилась в красное платье с черными цветами и надела восхитительные черные резиновые сапоги на плоской подошве. Выглядело странно, но здорово» [Петрова 2013: 158–202] или «Девчонки, увидев бабушку, слегка **остолбенели** <...> На этот раз платье было с **огромными маками по темно-зеленому фону**»; «Тебя принимают за **старую сумасшедшую цыганку**» [Сабитова 2018: 11].

Маргинализация образа может быть связана с уходом от традиционных представлений о занятиях бабушек (ср. ассоциации: вязать, клубок, мелодия, телевизор и др.), появлением у них «необычных» увлечений. Например, в повести Б. Космовской «Чудесные травы» бабушка является мотогонщицей, а в повести Ю. Кузнецовой «Дом П», в которой иронически обыгрывается несоответствие реального образа типическому, занимается боксом: «Чтобы их не расстраивать, она не говорила им, что вообще-то не смотрит сериалы (да и как их можно смотреть, такие страшные?), а занимается боксом» [Кузнецова 2014: 3]. В ряде произведений внимание акцентируется на «экзотической» профессии бабушки. Так, Арина Аркадьевна Метельская в повести Т. В. Михеевой «Две дороги – один путь» раньше «жила в большом южном городе и работала в театре ведущей актрисой, а потом преподавала в театральном училище» [Михеева].

Интересно, что символом внутренней свободы, выхода за пределы «нормы» при создании образов становится курение – сигары курит Корделия, мундштук становится характерным атрибутом Шуры: «Вышла к нам бабушка в маковом платье с дымящимся мундштуком в руках...» [Сабитова 2018: 12], «в комнате было ужасно накурено и бабушка пела девчонкам романсы» [Сабитова 2018: 15], трубка – Капитанши Арины

(«...бабушка, попыхивая трубкой, с достоинством отвечала на вопросы...») [Михеева].

Ассоциативное поле носителей русского языка к слову *бабушка* включает такие противоположные реакции, как *верующая*, *Яга*, *колдунья*. Если в обыденном сознании такие реакции единичны, то в литературе для детей и подростков обладание сакральным знанием становится устойчивым мотивом, обеспечивающим цельность образа, взаимосвязь между всеми его составляющими. При этом дедушка чаще всего не наделяется такими способностями. «Магические» способности определяют образ бабушки независимо от типа портретной характеристики, при этом такие ассоциации, как *Яга* и *колдунья*, могут получать в литературе для детей и подростков положительные коннотации. Так, например, внук называет О. Г. Ясницкую «суеверной», Шура гадает на картах («...в черный день буду зарабатывать на улице – **гадать прохожим**. Чем плохо?» [Сабитова 2018: 11]), Корделия умеет «чистить сны» тех людей, чье подсознание чем-то травмировано, а в повести Д. Вильке «Тысяча лиц тишины» «умеет вызывать разную погоду» [Вильке], что связывает эти образы с образом Бабы-Яги, которая, согласно исследованиям В. Проппа, будучи хозяйкой природных стихий, находится на границе между миром живых и другим светом. Наиболее развернутое представление данный комплекс ассоциаций получает в повести И. Краевой «Баба Яга пишет». Бабушка связывает события из жизни семьи с православным календарем («Ты появился на свет 26 ноября, это день почитаемого в России святого Иоанна Златоуста» [Краева 2018а: 191]), но при этом не обижается на данное зятем прозвище «Баба Яга» и, превращая эту потенциально конфликтную ситуацию в игру, виртуозно использует ее для приобщения внука к культурному коду и вместе с тем актуализируя архетипические основания этого образа: «Это правда: я – баба Яга. То, что твой папа догадался об этом, говорит о его большом уме. И делает мне честь. По некоторым сведениям, **первая баба Яга** появилась в Индии и звали ее Дхумавати <...> добрым и отважным она давала силы, и они называли ее Божественной **Матерью**» [Краева 2018а: 194].

С нашей точки зрения, в образе Бабы Яги, актуализирующем в том числе и глубинную связь с природной стихией, находит отра-

жение процесс «национализации» архетипа (А. Ю. Большакова), предполагающий возникновение у той или иной этнической общности в процессе ее самоидентификации и культурной рефлексии уникальных смыслов и коннотаций. Архетип старухи при этом становится воплощением самой природно-космической стихии Земли – живой памяти, хранителя и свидетеля прошлого.

Архетипическому представлению о мудром старце соответствует в детской литературе передаваемая дедушке функция хранителя культурной памяти. Так, в повести Т. Михеевой дед Телятьев, не имея своей семьи («У дедушки Телятьева не было семьи. Но он так не считал. „Все Легкие горы – моя семья,“ – говорил он»), обеспечивает своими «сказками», бывальщинами и легендами связь между поколениями: «Никто не знал столько сказок, сколько знал их дед Телятьев <...> У деда Телятьева про все можно спросить: как раньше в Легких горах люди жили <...> И почему Легкие горы назвали Легкими горами, Ших Шихом, а Кошкары Кошкарами» [Михеева 2017: 52–54].

Роль в семье. Представления о бабушке, нашедшие отражения в ассоциативных словарях и связанные с ее ролью в семье, указывают на социальный статус (*на пенсии, пенсионерка*), на родственные связи (*моя, родная, внук / внучка, родня, мама моей мамы*), а также на виды ее деятельности (*труженица, кормилица, готовит есть, ужин, пирог, плюшки, блины, пироги, варенье, болтушка, ворчит, рассказывает, друг и др.*). Все эти функции оказываются актуальны при определении роли бабушки в художественном тексте: «Сочетающие в себе избыточную телесность и плодовитость (реальную и / или символическую) с чистотой и святостью, бабушки изображаются как своего рода матриархи; на них держится дом, они в вечных трудах и хлопотах, они всех окормляют, они носительницы предания и нормы» [Савкина 2011: 116]. Такой мы видим бабушку Тасю в повести «Легкие горы». Она, представляя тип человека-труженика, всегда изображается в движении, в работе: «У нее дел – не переделать. Во-первых, кухня. Во-вторых, огород» [Михеева 2017: 10]; «Динка опять пьет чай с земляничным вареньем и с преснушками – особыми круглыми печенками, печь которые умеет только бабушка Тася, больше никто» [Михеева 2017: 120].

Представленная в повести ситуация, которую можно условно обозначить как «лето в деревне» (ср. ассоциации: *лето, каникулы*), не только актуализирует связь с бабушкой в определенный период времени, но и указывает на то, что бабушка (так же и дедушка) часто проживает отдельно от семьи (*в деревне, приехала, приехал*), фиксируя распад традиционной многопоколенной семьи.

Можно отметить, что в современной литературе для подростков архетипическая основа образа бабушки-труженицы упрощается, сводится к бабушке как носителю определенной социальной функции и при этом актуализируется гендерный стереотип: «А бабушка Женя сидела дома и, как положено любой бабушке, готовила борщи и котлеты, вытирала пыль с подоконника, встречала девочек после школы» [Кузнецова 2014: 3]. «Потребительское» отношение к бабушке в семье, которое мы видим в повести Ю. Кузнецовой, нередко проблематизируется, иронически обыгрывается. Например, в повести «Баба Яга пишет» перед появлением четвертого ребенка семья на «Большом совете фамилии» обсуждает «рационально ли звать бабулю или обойдемся тратить деньги на бэбиситтера» [Краева 2018а: 224]. Следующие за этим рассуждения внука Аджее одновременно отражают две противоположные точки зрения – отца и его самого: «Я сказал так как должно было понравиться папе. У меня самый высокий рейтинг по математике поэтому рационально экономить деньги на мой университет. Поэтому нам нужна бабуля» [Краева 2018а: 224], высвечивая еще один вектор развития темы бабушки в детской и подростковой литературе – изображение сложного комплекса межпоколенческих отношений, в котором «связывающая роль ребенка» восстанавливает дефицит душевной теплоты, близости между членами одной семьи.

Бабушка становится своего рода медиатором, высвечивающим проблему «отцов и детей», отсутствия эмоциональной связи между соседними поколениями; постоянно или на время заменяет героям отсутствующую мать. Так, например, в романе В. П. Крапивина позиционирование героя как «бабушкиного внука» актуализирует ситуацию непонимания между мальчиком и его отцом. Однако характерно, что в домашнем имени героя Алик (Алька) соединяются две интенции: родители называют

героя Александром, хотя бабушка хотела дать ему имя Алексей. Бабушка дает внуку имя, отличное от данного родителями и в романе Д. Сабитовой «Где нет зимы». Хотя мотив начения имени, характерный для обряда инициации, в данных текстах не сопровождает переход героя на новый уровень, но воспринимается как наличие особого «кода», который маркирует причастность бабушки и внука/внучки к единому культурному полю.

С этим связана и специфика репрезентации образа бабушки в современной литературе для детей и подростков. Бабушка воплощает мифопоэтический взгляд на мироустройство, чаще всего противопоставленный «рационалистическому» взгляду родителей. В романе «Бабушкин внук и его братья» это проявляется как оппозиция «старого» и «старинного»: то, что является рухлядью для отца, внук и бабушка определяют как ценность. Старинные вещи, сохраняя память об истории семьи, выступают своего рода скрепами семейной памяти. И центральным образом здесь выступает образ дома, являясь пространственным и сюжетным центром повествования и объединяя вокруг себя поколения одной семьи. Сюжет утраты и обретения дома (как реальной, так и символической) становится центральным в большинстве анализируемых произведений, а бабушка, реализуя свою архетипическую функцию, выступает в роли хранителя. Интересно, что благодаря своим «магическим» способностям в минуту особой опасности бабушка может привлекать или создавать волшебных помощников (домовой, кукла Лялька, Квасилий). Так, сделанная Шурой кукла Лялька выступает не только оберегом домашнего очага, но и самостоятельным повествователем. Этим «в некотором смысле» обеспечивается терапевтическая функция детской литературы по отношению к теме смерти бабушки. Так, завершающее повесть И. Краевой «Баба Яга пишет» письмо написано внуком уже после смерти бабушки: «Ты всегда будешь моей бабушкой. Баба Яга не может умереть совсем» [Краева 2018а: 228].

Роль бабушки также в том, чтобы хранить и передавать внукам семейное предание, выстраивать историческую ретроспективу. Бабушка Тася в повести Т. Михеевой – не только объект изображения, но и субъект речи, получивший право рассказать свою историю. Так,

в главе «Вечерние сказки» бабушка Тася начинает «спокойно, будто даже равнодушно», хотя и постоянно прерывая речь долгим молчанием, рассказывать о своей жизни в тыловой деревне во время и после войны, той жизни, которую Ф. А. Абрамов назвал «великим подвигом» русской бабы. Но и потом, когда Динка засыпает «от усталости, будто пережила с бабушкой Тасей нелегкие ее годы» [Михеева 2017: 49], продолжает вспоминать: «**Разве расскажешь об этом ребенку?** <...> как **закрыли их типографию, как пустела деревня и зарастали бурьяном брошенные дома...**» [Михеева 2017: 50]. Ее внутренний монолог, который вполне мог бы быть развернут в самостоятельную «деревенскую повесть», демонстрирует стратегию «умалчивания» (А. Ассман), которая в мире художественного произведения проявляется в том, что читатель (в том числе читатель-ребенок) знает больше героя-ребенка. Пережитый опыт для представителей старшего поколения в первую очередь связан с вынужденным или осознанным молчанием: «**Никогда никому из своих родных детей и внуков не рассказывала она про то, что рассказывала сейчас чужой, незнакомой почти девочке**» [Михеева 2017: 47]. Мотив «молчания» – ключевой для образа бабушки Таси – воспринимается, таким образом, не только как отражение бережного отношения к слову, характерное для «архетипа мудрой старухи» («**Бабушка много молчит, и Динка научилась понимать ее без слов**» [Михеева 2017: 7]), но и как часть онтологического опыта «военного» поколения: «**Рот у бабушки всегда поджат, даже когда разговаривает, – поджат, и смеяться она не умеет, и улыбается будто через силу. Мама говорит, это называется “трудная жизнь”**» [Михеева 2017: 10–11].

Историю своей жизни в контексте истории страны рассказывает пережившая блокаду бабушка из повести И. Краевой «Баба Яга пишет». А Шурин друг – домовый Аристарх Модестович – появляется, чтобы рассказать Паше о его прадеде – репрессированном профессоре Тирсове, историю жизни которого Паше еще предстоит восстановить: «**Мира дарит Паше папку, в которой она начала собирать тирсовский архив**» [Сабитова 2018: 226]. Дедушка как внесюжетный персонаж, о судьбе которого ребенку рассказывают родители или бабушка или его история становится объектом исследования/расследования, появляется и в ряде дру-

гих произведений («Сад имени Т. С.» М. Ботева; «Давай поедим в Уналашку» А. Красильщик).

Ребенок в таком случае приобретает функцию не просто реципиента, а «наследника» (очень важная категория в поэтике В. П. Крапивина). Возникает ситуация «наследования» семейных традиций и шире – культурной памяти. Таким «наследником» становится Павел в романе Д. Сабитовой «Где нет зимы». Его приемная мать Мира, принявшая единственно верное решение переехать в родной для детей дом, говорит ему: «Человеку нужны корни. Ты станешь старше – поймешь. Это в детстве кажется, что ты сам по себе и в центре вселенной. А потом видишь: ты связан с другими людьми тысячами ниточек, тут связан, там... И каждая такая нитка, если она оборвана, взрослым человеком воспринимается как очень горькая потеря» [Сабитова 2018: 192].

В образе дедушки, как правило, актуализируется созидательное начало, умение что-то мастерить, создавать, улучшать: «Без деда наш дом расстроился. Напрочь заглохла стиральная машина...» [Краева 2018б: 281]. Дедушка, сближаясь и взаимодействуя с героем-ребенком, учит его прежде всего конкретным умениям, передает определенные знания: «Мы таскали пещерей из озера, разлитого возле нашего сада <...> Через тоннель ... ходили к роднику за „живой“ водой <...> Собирали в корзинки, тершиеся по груди на веревочках, черную смородину <...> Подвешивали на крючки блестящие тушки, а потом доставали из черного нутра золотые рыбины» [Краева 2018б: 281]. Дедушка также может выполнять функцию защитника героя-ребенка, в чем так-

же проявляется стереотипное представление о маскулинности: «Рядом плыл дед Толик. Он просто плыл, готовый, если Ринка пойдет ко дну, довести ее на своих плечах до берега – будто спасательный круг, надежный и верный» [Вильке].

Выводы. Репрезентация образов бабушки и дедушки в литературе для детей и подростков связана прежде всего с актуализацией значимых для носителей языка категорий, определяющих как портретные характеристики, так и выполняемые функции. Часто гендерные противопоставления нивелируются, поскольку на первый план выходит указание на особую роль бабушек и дедушек в семье, связанную с архетипическим началом (мудрый старец/старуха): дети благодаря им знакомятся с культурой и историей, в том числе семьи и своего рода, у бабушки (у дедушки в меньшей степени) ищут ответы на сложные жизненные вопросы. Как правило, юные герои становятся причастными к сакральному знанию благодаря бабушке. Существенной трансформации образа бабушки/дедушки по сравнению с традиционными представлениями русского человека в детской и подростковой литературе не наблюдается, но, безусловно, в литературе отчетливо постулируется главная миссия старших родственников – быть хранителями семейных ценностей и трансляторами «культурной памяти». Кроме того, образ дедушки, как правило, связан с репрезентацией стереотипных представлений о мужском героизме, смелости, готовности защищать свою семью и любого, кто нуждается в защите.

Литература

- Асонова, Е. А. Как чтение влияет на процесс социализации / Е. А. Асонова // Народное образование. – 2013. – № 2. – С. 252–257.
- Барковская, Н. В. Преодоление страха: идея внутренней свободы в повести Аси Петровой «Крокодил» / Н. В. Барковская // Педагогическое образование в России. – 2019. – № 9. – С. 71–77.
- Белянин, В. П. Психолингвистика: учебник / В. П. Белянин. – М.: Флинта, 2011. – 420 с.
- Божкова, Г. Н. Образ дедушек и бабушек в детской литературе XX–XXI веков / Г. Н. Божкова // Development of the creative potential of a person and society: Materials of the VI international scientific conference, Prague, 17–18 января 2018 года / Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ», Mordovia State University named after N. P. Ogarev, Tashkent State Pedagogical University named after Nizami, New Bulgarian University. – Prague: Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ», 2018. – С. 56–60.
- Вильке, Д. Тысяча лиц тишины / Д. Вильке. – URL: <https://litresp.ru/chitat/ru/%Do%92/viljke-darjya-viktorovna/gribnoj-dozhdj-dlya-geroju/9> (дата обращения: 20.07.2021). – Текст: электронный.
- Галицких, Е. О. Тема бабушки как воспитательный потенциал литературной педагогики: от идеи к методике воплощения / Е. О. Галицких // Воспитательный потенциал семейного чтения в эпоху цифровизации и глобализации: материалы Международной научно-практической конференции (19–20 сентября 2019 г.). – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2019. – С. 89–97.

- Гапонова, Ж. К. «Прививка от беспамятства»: репрезентация образа бабушки в литературе для детей и подростков / Ж. К. Гапонова, Е. В. Никкарева // «Нежданный, как цветок над бездной, очаг семейный и уют...»: Семейный дискурс русской и мировой литературы. – Ярославль : РИО ЯГПУ, 2020. – С. 58–69.
- Дёгтева, В. Желтый куб / В. Дёгтева. – URL: <http://korafest.ru/wp-content/uploads/2021/02/Валентина-Дегтева-Жёлтый-куб.pdf> (дата обращения: 20.07.2021). – Текст : электронный.
- Зенькова, А. С горячим приветом от Феклы / А. Зенькова. – М. : КомпасГид, 2020.
- Краева, И. И. Баба Яга пишет / И. И. Краева // Дети неба : сборник повестей и рассказов. – М. : БерИнГА, 2018а. – С. 186–229.
- Краева, И. И. Соловьиный сад / И. И. Краева // Дети неба : сборник повестей и рассказов. – М. : БерИнГА, 2018б. – С. 186–229.
- Крапивин, В. П. Бабушкин внук и его братья / В. П. Крапивин. – Текст : электронный // Русская фантастика: Владислав Крапивин : официальная страница писателя. – URL: http://www.rusf.ru/vk/book/babushkin_vnuk_i_ego_bratja/main.htm (дата обращения: 20.09.2020).
- Краснова, О. В. Бабушки в семье / О. В. Краснова // Социологические исследования. – 2000. – № 11. – С. 108–116.
- Кузнецова, Ю. Дом П / Ю. Кузнецова. – М. : КомпасГид, 2014. – 192 с.
- Кутейникова, Н. Е. Социализация подростков и юношества с помощью современной литературы: о критериях отбора книг / Н. Е. Кутейникова, В. П. Чудинова, И. С. Давыдова, Е. С. Шибанова // Образовательное пространство в информационную эпоху (ЕЕИА-2017) : сборник научных трудов международной научно-практической конференции. – М. : [б. и.], 2017. – С. 364–373.
- Левинсон, А. Г. Старость как институт / А. Г. Левинсон. – Текст : электронный // Отечественные записки. – 2005. – № 3. – URL: http://magazines.russ.ru/oz/2005/3/2005_3_1.html (дата обращения: 11.09.2020).
- Макрушина, Ю. А. Архетипический образ бабушки в повествовании в рассказах «Последний поклон» В. П. Астафьева / Ю. А. Макрушина // Мировая литература глазами современной молодежи : сборник материалов международной студенческой научно-практической конференции. – Магнитогорск : Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова, 2016. – С. 44–47.
- Мелетинский, Е. М. О литературных архетипах. – М. : РГГУ, 1994. – 136 с. – (Чтения по истории и теории культуры. Вып. 4).
- Михеева, Т. В. Две дороги – один путь / Т. В. Михеева. – URL: <https://www.litmir.me/br/?b=266622> (дата обращения: 20.07.2021). – Текст : электронный.
- Михеева, Т. В. Лёгкие горы / Т. В. Михеева. – 2-е изд., испр. – М. : КомпасГид, 2017. – 176 с.
- Петрова, А. Д. Крокодил / А. Д. Петрова // Петрова А. Д. Чувства, у которых болят зубы. – М. : Премудрый Сверчок, 2013.
- Романовская, Л. Дом четырех ладоней : повесть / Л. Романовская. – М. : Самокат, 2021. – 240 с.
- Русский ассоциативный тезаурус. – URL: <http://thesaurus.ru/dict/> (дата обращения: 11.09.2020). – Текст : электронный.
- Русский сопоставительный ассоциативный словарь / под ред. Г. А. Черкасовой. – М. : ИЯз РАН, 2008. – URL: <https://it-claim.ru/Projects/ASIS/RSPAS/zapusk.htm> (дата обращения: 11.09.2020). – Текст : электронный.
- Сабитова, Д. Где нет зимы / Д. Сабитова. – 3-е изд. – М. : Самокат, 2018. – 240 с. – (Встречное движение).
- Савкина, И. Л. «У нас никогда уже не будет этих бабушек»? / И. Л. Савкина // Вопросы литературы. – 2011. – № 2. – С. 110–112.
- Семенова, В. В. Бабушки: семейные и социальные функции прародительского поколения / В. В. Семенова // Судьбы людей: Россия XX век. Биографии семей как объект социологического исследования / под ред. Б. Б. Семенова и Г. Б. Фотеева. – М. : Институт социологии РАН, 1996. – С. 326–354.
- Шевчугова, Е. И. Архетип бабушки в произведениях И. А. Гончарова, М. Горького и В. П. Астафьева: традиции и авторская интерпретация / Е. И. Шевчугова. – Текст : электронный // Сибирский филологический форум. – 2018. – № 4 (4). – С. 31–35. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/arhetip-babuszki-v-proizvedeniyah-i-a-goncharova-m-gorkogo-i-v-p-astafieva-traditsii-i-avtorskaya-interpretatsiya> (дата обращения: 11.09.2020).
- Юнг, К. Г. Психологические аспекты архетипа матери / К. Г. Юнг // Аналитическая психология и психотерапия : хрестоматия. – СПб. : Питер, 2001. – С. 326–364.
- Яснов, М. Д. Путешествие в чудество: книга о детях, детской поэзии и детских поэтах / М. Д. Яснов. – СПб. : Санкт-Петербургская общественная орг. «Союз писателей Санкт-Петербурга» ; Фонд содействия развитию детской лит. и культуры чтения «Дом детской книги», 2014. – 358 с. – URL: <https://bookshake.net/r/puteshestvie-v-chudestvo-mihail-davidovich-iasnov?page=1> (дата обращения: 11.09.2020). – Текст : электронный.

References

- Asonova, E. A. (2013). *Kak chtenie vliyaet na protsess sotsializatsii* [How Reading Affects the Process of Socialization]. In *Narodnoe obrazovanie*. No. 2, pp. 252–257.
- Barkovskaya, N. V. (2019). *Preodolenie strakha: ideya vnutrennei svobody v povesi Asi Petrovoi «Krokodil»* [Overcoming Fear: The Idea of Inner Freedom in Asya Petrova's Story "Crocodile"]. In *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii*. No. 9, pp. 71–77.
- Belyanin, V. P. (2011). *Psikholingvistika* [Psycholinguistics]. Moscow, Flinta. 420 p.
- Bozhkova, G. N. (2018). *Obraz dedushek i babushek v detskoj literature XX–XXI vekov* [The Image of Grandparents in Children's Literature of the 20th–21st Centuries]. In *Development of the creative potential of a person and society: Materials of the VI international scientific conference, Prague, 17–18 yanvary 2018 goda*. Prague, Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ», pp. 56–60.

- Cherkasova, G. A. (Ed.). (2008). *Russkii sopostavitel'nyi assotsiativnyi slovar'* [Russian Comparative Associative Dictionary]. Moscow, IYaz RAN. URL: <https://it-claim.ru/Projects/ASIS/RSPAS/zapusk.htm> (mode of access: 11.09.2020).
- Degteva, V. *Zheltyi kub* [Yellow Cube]. URL: <http://korafest.ru/wp-content/uploads/2021/02/Valentina-Degteva-Zheltyi-kub.pdf> (mode of access: 20.07.2021).
- Galitskikh, E. O. (2019). Tema babushki kak vospitatel'nyi potentsial literaturnoi pedagogiki: ot idei k metodike voploshheniya [The theme of the Grandmother as the Educational Potential of Literary Pedagogy: From the Idea to the Method of Implementation]. In *Vospitatel'nyi potentsial semeinogo chteniya v epokhu tsifrovizatsii i globalizatsii: materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (19–20 sentyabrya 2019 g.)*. Kazan, Izdatel'stvo Kazanskogo universiteta, pp. 89–97.
- Gaponova, Zh. K., Nikkareva, E. V. (2020). «Privivka ot bespamyatstva»: reprezentatsiya obraza babushki v literature dlya detei i podrostkov [“Vaccination Against Unconsciousness”: The Representation of the Image of a Grandmother in Literature for Children and Adolescents]. In «*Nezhdannyyi, kak tsvetok nad bezdnoi, ochag semeinyi i uyut...: Semeinyi diskurs russkoi i mirovoi literatury*. Yaroslavl, RIO YaGPU, pp. 108–116.
- Kraeva, I. I. (2018a). Baba Yaga pishet [Baba Yaga Writes]. In *Deti neba: sbornik povestei i rasskazov*. Moscow, BerInGA, pp. 186–229.
- Kraeva, I. I. (2018b). Solov'inyi sad [Nightingale's Garden]. In *Deti neba: sbornik povestei i rasskazov*. Moscow, BerInGA, pp. 186–229.
- Krapivin, V. P. Babushkin vnuk i ego brat'ya [Grandma's Grandson and His Brother]. In *Russkaya fantastika: Vladislav Krapivin: ofitsial'naya stranitsa pisatelya*. URL: http://www.rusf.ru/vk/book/babushkin_vnuk_i_ego_bratja/main.htm (mode of access: 20.09.2020).
- Krasnova, O. V. (2000). Babushki v sem'e [Grandmothers in the Family]. In *Sotsiologicheskie issledovaniya*. No. 11, pp. 108–116.
- Kuteinikova, N. E., Chudinova, V. P., Davydova, I. S., Shibanova, E. S. (2017). Sotsializatsiya podrostkov i yunoststva s pomoshch'yu sovremennoi literatury: o kriteriyakh otbora knig [Socialization of Adolescents and Youth with the Help of Modern Literature: On the Criteria for Selecting Books]. In *Obrazovatel'noe prostranstvo v informatsionnoy epokhu (EEIA-2017): sbornik nauchnykh trudov mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*. Moscow, pp. 364–373.
- Kuznetsova, Yu. (2014). *Dom P* [House P]. Moscow, KompasGid. 192 p.
- Levinson, A. G. (2005). Starost' kak institute [Old Age as an Institution]. In *Otechestvennye zapiski*. No. 3. URL: http://magazines.russ.ru/oz/2005/3/2005_3_1.html (mode of access: 11.09.2020).
- Makrushina, Yu. A. (2016). Arkhetipicheskii obraz babushki v povestvovanii v rasskazakh «Poslednii poklon» V. P. Astaf'eva [The Archetypal Image of a Grandmother in the Narrative in the Stories “The Last Bow” by V.P. Astafiev]. In *Mirovaya literatura glazami sovremennoi molodezhi: sbornik materialov mezhdunarodnoi studencheskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*. Magnitogorsk, Magnitogorskii gosudarstvennyi tekhnicheskii universitet im. G. I. Nosova, pp. 44–47.
- Meletinsky, E. M. (1994). *O literaturnykh arhetipakh* [About Literary Archetypes]. Moscow, RGGU. 136 p.
- Mikheeva, T. V. (2017). *Legkie gory* [Light Mountains]. 2nd edition. Moscow, KompasGid. 176 p.
- Mikheeva, T. V. *Dve dorogi – odin put'* [Two Roads – One Way]. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=266622> (mode of access: 20.07.2021).
- Petrova, A. D. (2013). Krokodil [Crocodile]. In Petrova, A. D. *Chuvstva, u kotorykh bolyat zuby*. Moscow, Premudryi Sverchok.
- Romanovskaya, L. (2021). *Dom chetyrekh ladonei* [House of Four Palms]. Moscow, Samokat. 240 p.
- Russkii assotsiativnyi tezaurus* [Russian Associative Thesaurus]. URL: <http://thesaurus.ru/dict/> (mode of access: 11.09.2020).
- Sabitova, D. (2018). *Gde net zimy* [Where There Is No Winter]. 3rd edition. Moscow, Samokat. 240 p.
- Savkina, I. L. (2011) «U nas nikogda uzhe ne budet etikh babushek»? [“We Will Never Have These Grandmothers Again?”]. In *Voprosy literatury*. No. 2, pp. 110–112.
- Semenova, V. V. (1996). Babushki: semeinye i sotsialnye funktsii praroditel'skogo pokoleniya [Grandmothers: Family and Social Functions of the Grandparental Generation]. In Semenova, B. B. & Foteeva, G. B. (Eds.). *Sud'by lyudei: Rossiya XX vek. Biografii semei kak ob'ekt sotsiologicheskogo issledovaniya*. Moscow, Institut sotsiologii RAN, pp. 326–354.
- Shevchugova, E. I. (2018). Arkhetip babushki v proizvedeniyakh I. A. Goncharova, M. Gor'kogo i V. P. Astaf'eva: traditsii i avtorskaya interpretatsiya [The Grandmother Archetype in the Works of I. A. Goncharov, M. Gorky and V. P. Astafiev: Traditions and Author's Interpretation]. In *Sibirskii filologicheskii forum*. No. 4 (4), pp. 31–35. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/arhetip-babushki-v-proizvedeniyah-i-a-goncharova-m-gorkogo-i-v-p-astafieva-traditsii-i-avtorskaya-interpretatsiya> (mode of access: 11.09.2020).
- Vilke, D. *Tysyacha lits tishiny* [A Thousand Faces of Silence]. URL: <https://litresp.ru/chitat/ru/%Do%92/vilke-darja-viktorovna/gribnoj-dozhdj-dlya-geroaya/9> (mode of access: 20.07.2021).
- Yasnov, M. D. (2014). *Puteshestvie v chudetstvo: kniga o detyakh, detskoj poezii i detskikh poetakh* [Journey Into Miracles: A Book About Children, Children's Poetry, and Children's Poets]. Saint Petersburg, Sankt-Peterburgskaya obshchestvennaya organizatsiya «Soyuz pisatelei Sankt-Peterburga», Fond sodeistviya razvitiyu detskoj literatury i kul'tury chteniya «Dom detskoj knigi». 358 p. URL: <https://bookshake.net/r/puteshestvie-v-chudetstvo-mihail-davidovich-yasnov?page=1> (mode of access: 11.09.2020).
- Yung, K. G. (2001). Psikhologicheskie aspekty arhetipa materi [Psychological Aspects of the Mother Archetype]. In *Analiticheskaya psikhologiya i psikhoterapiya: khrestomatiya*. Saint Petersburg, Piter, pp. 326–364.
- Zenkova, A. (2020). *S goryachim privetom ot Fekly* [With Warm Regards from Thekla]. Moscow, KompasGid.

Данные об авторах

Гапонова Жанна Константиновна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, декан факультета русской филологии и культуры, Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского (Ярославль, Россия).

Адрес: 150000, Россия, Ярославль, ул. Республиканская, 108/1.

E-mail: jangap1@mail.ru.

Никкарева Елена Викторовна – старший преподаватель кафедры культурологии, Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского (Ярославль, Россия).

Адрес: 150000, Россия, Ярославль, ул. Республиканская, 108/1.

E-mail: enikkareva@mail.ru.

Authors' information

Gaponova Zhanna Konstantinovna – Candidate of Philology, Associate Professor of Russian Language Department, Dean of Faculty of Russian Philology and Culture, Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky (Yaroslavl, Russia)

Nikkareva Elena Viktorovna – Senior Lecturer of Department of Cultural Studies, Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky (Yaroslavl, Russia)

Дата поступления: 09.08.2022; дата публикации: 29.12.2022

Date of receipt: 09.08.2022; date of publication: 29.12.2022